

Слабое пиво, крупные свиньи и англо-голландская война 1627 года

Тоби Томпкинс
(Toby Tompkins)

Автор данной статьи, писатель и актер, живет в городе Нью-Недерланд от ден Магнахатус, более известном под названием Нью-Йорк.

Отцы-пилигримы (и Матери-пилигримы) никогда не имели намерения поселиться в Новой Англии, а оказавшись там, не носили пряжек на шляпах. День благодарения, отмечаемый каждый четвертый четверг ноября, впервые праздновали лишь в XIX веке. Когда Пилигримы устраивали праздники, то зачастую довольствовались жестким мясом дикой индейки, хотя и предпочитали оленину или английскую солонину, несмотря на то что после долгих месяцев плавания по морю она приобретала вкус вареного сапога. Они терпеть не могли клюкву и считали, что ее едят только медведи и «дикари». Первая высадка на берег произошла не в Плимуте; когда же Пилигримы появились там, их корабль (это, очевидно, был совсем не «Мэйфлауер») не разбился о прибрежные скалы (подобного упоминания нет в источниках), а был вытаскен на песок. Название «Мэйфлауер» (*Майский цветок*) вряд ли подходило старому, рассохшемуся и всячески проклиняемому Пилигримами торговому суденышку, зафрахтованному в Лондоне по дешевке организаторами путешествия. Судно, выставленное сейчас в Плимуте, является точной реконструкцией корабля типа «Мэйфлауер», но сам оригинал был демонтирован в Англии вскоре после знаменитого плавания, и его чертежей не осталось.

В Плимутской колонии никогда не сжигали ведьм (в Салеме — тоже, там их вешали), зато имелись колодки, которые предназначались для слуг, напившихся в общественных местах, хотя сами Пилигримы отнюдь не были трезвенниками. Они пили пиво или вино (если могли его достать) с такой же охотой, как и все европейцы того времени, но напивались в узком кругу. Менее половины из тех, кто пережил первую тяжелую зиму, были Пилигримами. Сам термин был использован лишь однажды,

в метафорическом смысле, в первых хрониках.

Почти ничего из того, чему учат американцев о первых поселениях в Новой Англии, не соответствует действительности. Задача музея живой истории «Плимутская колония» в Массачусетсе состоит в том, чтобы исправить ошибки, избавиться от мифов, накопившихся за триста лет, и представить наглядную картину реальной жизни первых поселенцев.

С тех пор как после окончания второй мировой войны плимутец Генри Хорнблауер II начал сбор средств для создания модели деревни 1627 года, она претерпела немало изменений, прежде чем приобрела современный вид. Вначале она представляла собой некое подобие деревни с манекенами в одеждах Пилигримов, своеобразными постройками и экскурсоводами, рассказывающими о предметах, относящихся к гораздо более позднему времени. Сегодняшняя деревня — это полнокровная, подлинная община, в ней живут мужчины и женщины, принявшие имена и образы «святых и странников», о которых достоверно известно, что они жили там через семь лет после прибытия Пилигримов. Жители деревни говорят на воссозданной смеси различных диалектов раннего нового английского языка, употреблявшихся в тех местах, откуда эмигрировали Пилигримы. На поляне около Ил-Ривер индейцы вампаноаг, состоящие в штате музея, ежегодно разбивают летнюю стоянку, как это делали их предки. Говорят они на смеси английского языка XVII века и своего родного.

Появляется Исаак

Я впервые познакомился с «Плимутской колонией» в 1979 году,

“Museum” (ЮНЕСКО), № 175, 1993

когда группа ее руководителей решила внести некоторое разнообразие в проведение октябрьского Праздника урожая. Праздник заключался в том, что жители деревни отмечали окончание сбора урожая пиршеством и благодарственными молитвами, но многочисленным посетителям быстро надоело смотреть на то, как другие целый день едят. Было решено объединить этот праздник с воссозданием события, которое, как известно, состоялось в октябре 1627 года: посещением англичан группой голландцев из новой колонии в Манхаттане. Возглавлял голландцев некий Исаак де Разер, второе лицо после губернатора Питера Миннойта. В своем письме домой де Разер дал одно из самых ранних описаний английского поселения. Торжественно обставленный визит высокопоставленных иностранцев должен был придать празднику новое звучание, и перед организаторами встала задача найти «голландцев». Поскольку никого из штатных сотрудников нельзя было использовать для роли де Разера, руководители решились на сомнительный шаг — пригласить актера, обладающего лишь теми достоинствами, что он немного знал историю XVII века и был похож на голландца (хотя ни слова не говорил по-голландски).

Я познакомился с Питером Куком, тогдашним руководителем выставочной работы, случайно, на рождественской вечеринке в 1979 году. Ни о чем не подозревая, я распространялся о своем увлечении историей первых поселенцев. Питер сетовал на трудности с подбором актеров, а вскоре после этого я получил письмо от Лена Траверса, ответственного за проведение в «Плимутской колонии» просветительской работы. В письме Лен задал мне кучу вопросов, поскольку историки в Плимуте с вполне оправданной подозрительностью относятся к актерам,

опасаясь проникновения вездесущей «диснефикации». Я удачно ответил на все вопросы, содержащиеся в письме, и вскоре получил объемистый пакет с материалами по биографии де Разера, краткой историей Соединенных провинций периода «золотого века», отрывками из источников об основании и первых годах Ниу Недерланд от ден Маннахатус, а также небольшим учебником голландской фонетики, изучив который можно было не опасаться, что при разговоре с тобой у голландца случится разрыв сердца. Всю зиму я провел, пытаюсь разобраться в своем герое и его времени, а летом 1980 года не без некоторого трепета впервые посетил деревню и буквально влюбился в нее. Я не бывал здесь с тех пор, как ребенком проводил лето на Кейп-Коде. Помню, экскурсии там водили почтенные леди в домашних чепсах.

К счастью для меня, об Исааке де Разере известно гораздо меньше, чем о руководителях английской колонии, поэтому я мог дать простор своей фантазии. В колонии Миннойта он занимал две должности — главного купца (*opper koopman*) голландской вест-индской компании и секретаря (*sekretaar*) губернатора, и поэтому постоянно оказывался в центре столкновения интересов. Впоследствии «враждебная партия» служащих компании (в отличие от людей Брэдфорда, голландцы из Манхаттана работали по контракту или были торговцами) вынудила его в 1628 году возвратиться домой. Он пробыл на острове «старый Маннахатус» только два года и покинул его с чувством омерзения, столкнувшись с беспорядками и корыстолюбием жителей голландской колонии. Из его писем становится ясно, что посещение английской деревни произвело на него сильное впечатление: в 1627 году она процветала под руководством Брэдфорда, ее насе-

ляли богобоязненные семейства (голландцы, напротив, были холостяками и вечно имели неприятности из-за индейских женщин), твердо решившие начать новую жизнь в Новом Свете.

Англичане и голландцы были союзниками, но где-то там, в далекой Европе, а не в Новом Свете. Цветистые письма де Разера (Брэдфорд жаловался, что голландцы слишком любили пышные титулы) скрывали тот факт, что его миссия в какой-то степени была шпионской: ему поручалось не только наладить торговые связи с Плимутом, но и прощупать сильные и слабые стороны английской колонии. По мнению руководителей музея, за внешней парадностью моих отношений с Брэдфордом должен таиться скрытый подтекст. Мне уже было ясно, что мой герой был педантичным, довольно скучным, но вспыльчивым человеком. Он искренне хотел организовать постоянную колонию на Манхаттане. Ловкий торговец, он был необыкновенно красноречив и обладал даром убеждения. Именно он ввел в обиход *вамтум* — деньги из раковин, изготавливавшиеся в больших количествах индейцами, живущими около Манхаттана, однако коренные жители залива Массачусетс их не знали. Мне хотелось вставить в свою роль два известных анекдота. Один из них — о том, как в 1626 году около современного Олбани небольшой голландский гарнизон потерпел поражение в стычке со свирепыми индейцами-могавками, которые увели к себе в лагерь по крайней мере одного белого и там съели его. Я также узнал, что знаменитая история о том, как Миннойт купил Манхаттан за безделушки стоимостью в 24 доллара, — истинная правда. Вся соль здесь в том, что он заключил сделку не с теми индейцами — это была группа охотников племени канарси, с удоволь-

© Toby Tompkins

из Швеции или, может быть... из Нью-Джерси.

Восемь часов импровизации

Ощущая себя скорее студентом, наспех зазубрившим какие-то сведения к экзамену по истории, чем актером на выходе, вступил я со своим окружением в тот дождливый день в ворота музея. Настоящий де Разер явился «под звуки труб», но единственный человек, который мог извлечь хоть один звук из нашего рожка, испугался дождя и не пришел. Рич Куррьер, подобно Майлсу Стэндишу, вознамерился встретить нас орудейным салютом, но порох подмок, и когда он подул в отверстие, куда вставлялся фитиль, раздался взрыв и ему опалило брови и бороду. Когда мы, наконец, встретились, он выглядел так, будто только что вышел из битвы, о которой не упоминалось в научных исследованиях.

В доме губернатора Доуг Пейнтер, игравший роль Брэдфорда, предложил нам что-нибудь выпить. Чай и кофе появились в английском поселении лишь лет через пятьдесят после изображавшегося события, поэтому пришлось выбирать между пивом и вином. Я проявил сообразительность и отказался от вина, тогда мне поднесли пиво в огромной пятигаллоновой кружке с двумя ручками. Я вежливо осушил ее, пока мы с губернатором обменивались любезностями, и в четверть десятого утра почувствовал себя изрядно захмелевшим, а впереди был еще целый день. Вечером наши хозяева сообщили, что со мной сыграли шутку: обычно там пили слабое, безалкогольное, не ударявшее в голову пиво, я жепил крепкое, настоящее, и поэтому не помнил многого из того, что произошло в течение дня. Мне удалось без запинки прочитать заученную наи-

Автор статьи в роли Исаака де Разера (слева) с Доугом Пейнтером, игравшим роль Брэдфорда.

ствием избавивших белого простофилю от его товара. Жаль, им не пришлось в голову, стоя на каком-нибудь мосту, продать заодно и этот мост. Каннибализм и мошенничество — да, я не мог упустить такого случая!

А какой великолепный костюм сделали для меня Нэнси Фи и ее помощницы! Будто сошедший с полотна Франса Халса, со всеми его 288 золочеными пуговками, он был сшит вручную (зоркие посетители всегда замечают машинную строчку). Я чувствовал себя важной персоной, несмотря на то что когда я попробовал заговорить по-голландски с директором музея, д-ром Джереми Бэнгсом, хорошо знавшим этот язык, то услышал от него, что, судя по произношению, я приехал

зуть речь на голландском и английском языках (возможно, потому, что среди моих слушателей не было настоящих голландцев), кроме того, я ни разу не споткнулся о свою шпагу, хотя однажды уселся на нее.

Для артиста, привыкшего работать по сценарию на сцене или в студии, восемь часов импровизации и непосредственного контакта с публикой стали настоящим открытием. Высокий частокол вокруг деревни словно отгородил ее от современного мира. Только посетители напоминали о XX веке, но после первого же часа они становились бесплотными, ярко одетыми призраками на фоне земной реальности XVII века. Конечно, в первый раз созданию такого эффекта способствовало вышитоое пиво, но и в последующие годы, особенно когда посетителей было немного, неизменно возникало ощущение путешествия во времени. Густые запахи и звуки, доносившиеся из загона для коз и свиней, едкий пот деревенских жителей, их размеренная мелодичная речь, дымок, тянувшийся из труб, грубая ткань шерстяных и полотняных платьев, деревянная обшивка дома, стены, обмазанные глиной, рукоятки инструментов, отполированные рабочими руками, — все это превращало людей XX века в карикатуры. Их одежды были слишком легки для ненастной октябрьской погоды, голоса звучали, как птичий щебет, а ярко накрашенные лица женщин, даже с точки зрения довольно снисходительного члена Голландской реформатской церкви, делали их похожими на Иезавель. Даже фотоаппараты (по утверждению туристов, они могли мгновенно выдавать готовые снимки, в чем было выражено вежливое сомнение) казались безделушками, которые бог знает с какой целью носили представители давно вымершего племени, достойного скорее жалости, чем осуждения.

Сам я тоже был туристом, хотя и семнадцатого столетия, и в этом качестве мог вместе с другими посетителями дивиться на странные обычаи «браунистов». Когда меня спрашивали о сектантском характере вероисповедания жителей деревни, я, будучи «голландцем», мог честно отвечать, что ничего не знаю об их вере и этот вопрос меня мало интересует. Если посетители заставляли меня и одетого в старинный костюм Джереми Бэнгса, делающего пометки по-голландски в своей записной книжке, возле пушки, я говорил им (убедившись, что поблизости нет англичан), что, хотя английские пушки и находятся в лучшем состоянии, чем наши, голландские, в Новых Нидерландах, «ополченцы» Стэндиша являются всего-навсего фермерами и не могут как следует обращаться с оружием (ложь!). Но я не мог иначе, как с похвалой отзываться о бодрых и дисциплинированных жителях английской деревни, столь отличающихся от моих соотечественников, погрязших в пьянстве, распущенности и безбожии.

Я изъяснялся на английском языке с голландским акцентом, строя предложения в соответствии с синтаксисом XVII века, вставляя иногда странные голландские фразы. Временами я запутывался и ограничивался кивками и невнятным бормотанием. Когда язык у меня начинал совсем заплетаться, я брался за свою глиняную трубку, хотя вирджинский табак, который мне предлагали, был настолько груб и крепок, что от него мог задохнуться сам «мистер Мальборо», а однажды констебль сделал мне замечание за употребление крепких напитков в общественном месте. Чудные люди эти самые «браунисты» (кстати, они сильно обижались, когда их в шутку называли так).

Долой лютино!

Музей живой истории — вовсе не заповедная зона, по крайней мере там, где имеется домашний скот, особенно если этот домашний скот частично состоит из свиней размером с прогулочный автомобиль. Таким, во всяком случае, был местный боров. Обычно он довольно лениво исполнял свою роль подлинной свиньи XVII века, расположенной в подлинном загоне того же периода. Но в одно прекрасное утро ему захотелось расширить свои горизонты. Он свалил соломенную загородку (я думаю, часть ее он просто съел), и перед первыми посетителями предстала забавная картина: жители всей деревней гонялись за задумчивым, волосатым, розово-коричневым боровом, подобным автобусу «фольксваген», и дубасили его по спине и заду. Когда все вволю повеселились, боров, устав от шума, по собственной воле вернулся в свой разрушенный загон, чтобы отдохнуть там в тишине и покое. На следующий год во время приходского праздника мне сказали, что он играет главную роль в праздничном угощении. Я попросил вторую порцию не без угрызений совести.

В течение восьми лет я принимал участие в этих праздниках, и каждый чем-то отличался от остальных, поскольку в результате исследований уточнялись отдельные детали и изменялись многие наши представления — начиная от того, каким был покрой рукава и до тезиса в богословском диспуте. В один год произошла «дуэль» на шпагах между Стэндишем и моим адьютантом, неким Вольфертом Герритzenом, вспыльчивым ветераном голландских войн, который во время обеда сделал непристойное предложение жене капитана. На следующий год поединок не состоялся, так как его сочли затеей, слишком шумной для

степенных жителей общины. Вольфферта за его распутство скорее всего привлекли бы к суду магистрата, если бы до того Стэндиш просто не размозжил ему голову. Как-то раз на празднике звучала музыка в исполнении лютни и магнитофона, но на следующий год музыковеды Джон Кемп и Донна Кёртин уверили всех, что Пилигримы не пользовались никакими музыкальными инструментами, кроме барабана, который созывал ополченцев на сбор, а верующих на молитву. С тех пор псалмы пели без сопровождения, по псалтырям того времени. Мой скромный белый плюшевый воротник со временем превратился в огромное жабо, и голова стала походить на отсеченную голову Иоанна Крестителя на золоченом блюде.

Рядом с пышными нарядами голландцев даже лучшее платье губернатора выглядело скромно (мой модный камзол 1626 года контрастировал с вышедшей из моды и изрядно поношенной одеждой англичан времен Елизаветы или Иакова, в которой эти деревенские жители прибыли сюда в 1620 году), и у посетителей возникали разного рода вопросы, затем завязывалась дискуссия об относительном распределении богатств, изменениях моды, а также о том, что обе наши ветви протестантизма сурово осуждали суетность и тщеславие.

Просветительный отдел музея проводит выезды в школы и колледжи южных районов Новой Англии в те периоды, когда наплыв посетителей в самом музее не очень велик. Меня попросили помочь сотрудникам музея написать две короткие пьесы для одной из таких программ. В первой шла речь о судебном процессе над убийцей, способствовавшем началу «войны короля Филиппа», — восстанию индейцев вампаноаг под предводительством Метаккома в 1675—

1676 годах. Сюжетом второй было прибытие в колонию квакеров, к которым ее жители отнеслись с удивительной для того времени терпимостью, несмотря на то что те считались еретиками. Мне доставляло злорадное удовольствие видеть, как штатных сотрудников музея охватывал ужас перед выходом на сцену и они судорожно пытались вспомнить слова роли: теперь зрителем был я, а артистами — они!

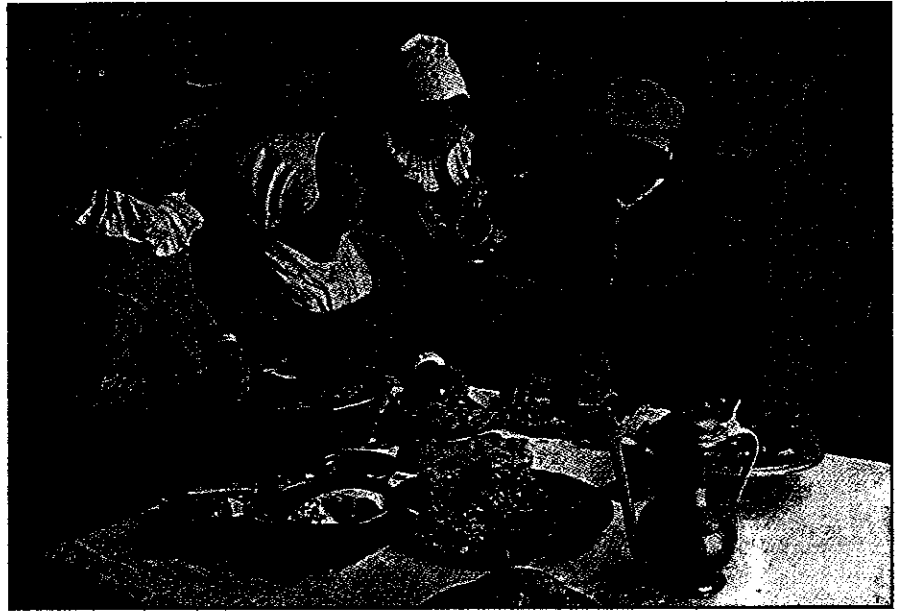
Призраки или галлюцинация?

В тот год, когда я участвовал в празднике в последний раз, организаторы решили начать его на день раньше, чтобы иметь возможность показать прибытие голландцев на английский торговый пост, расположенный к югу от Плимута, у входа в залив Баззардз. Де Разер пришел на корабле из Манхаттана, бросил якорь вблизи поста, где его встретила делегация англичан. В 1627 году, чтобы попасть в деревню, нужно было в течение шести часов пробираться по лесным дорогам, но мой герой, то ли из-за своей подагры, то ли из высокомерия, а может быть, по обоим этим причинам, решил пересечь пешком только узкий перешеек Кейп-Кода и вышел к побережью залива Массачусетс. Там он настоял, чтобы его доставили к берегу на лодке. Архитектура торгового поста мало похожа на XVII век, к тому же расположен он рядом с оживленным современным перекрестком дорог. В полном облачении, с бряцаньем и скрипом мы высадились из нашего автобуса на стоянке, где было полно туристов. В сопровождении толпы мы двинулись через замусоренную площадку для пикников, затем по тропинке, шедшей параллельно каналу Кейп-Код, к укрытию, где стали ждать сигнала, чтобы начать торжественный выход (стараясь на споткнуться о банки

из-под кока-колы или пакеты от гамбургеров). Шестеро голландцев и их английский провожатый прохаживались, придерживая шляпы, чтобы их не сдул ветер (де Разер докуривал последнюю сигарету), когда около берега показался один из прогулочных катеров, бороздящих канал.

Мы могли слышать усиленный мегафоном голос экскурсовода: «А в 1620-е годы здесь, на Французском мысе, находилась фактория, основанная нашими Отцами-пилигримами и... черт побери, вот и они сами!» Катер едва не перевернулся, когда туристы с воплями хлынули на правый борт, махая нам руками. Но мы как будто сговорились – никто не сдвинулся с места и даже не пошевелился. Де Разер спрятал сигарету в обтянутой перчаткой руке, и только хлопал на ветру флаг Вест-индской компании. Что это? Призраки? Костюмированные скульптуры? Коллективная галлюцинация? Катер проплыл мимо; раздался сигнал к выходу. Но наша встреча с англичанами прошла без подъема после того, как мы случайно напомнили туристам, что прошлое Новой Англии живет бок о бок с настоящим.

В предыдущие годы переговоры между Брэдфордом и де Разером проходили довольно скучно: обсуждались сложные вопросы о правах торговли с индейцами, или праве на поселение, и все это излагалось официальным дипломатическим языком того времени. В 1627 году результатов достичь не удалось, так как обе стороны не имели необходимых полномочий от своих правительств. Предмет переговоров был очень серьезным. В 1625 году между англичанами и голландцами произошло столкновение в Ост-Индии, где голландский адмирал уничтожил английскую факторию на острове Амбоина, на который пре-

«Семейный обед», воссозданный в музее «Плимутская колония».

тендовали голландцы. Лен Траверс, исполнявший роль Брэдфорда, посчитал, что в свете этого инцидента нужно усилить напряженность переговоров, поэтому, когда мы встретились с англичанами, Стэндиш и его противник Герритзен были вооружены до зубов, а в дверях стоял на страже английский мушкетер с фитильным ружьем.

Конечно, мы не писали сценария нашего спора, а только договорились, что он обязательно должен произойти. И вот, после того как Брэдфорд в третий раз вежливо отказался даже рассматривать вопрос о предоставлении голландцам возможности вести торговлю к северу от реки Коннектикут, накаленная атмосфера взорвалась. Самым вкрадчивым голосом я напомнил ему о побоище на Амбоине и добавил: «В крайнем случае, досточтимый губернатор, я могу призвать сюда четыре боевых корабля, курсирующих сейчас возле Новых Нидерландов... А сколько кораблей имеете Вы?» Брэдфорд вскочил на

ноги, свалив со стола кружки, и проревел: «Что? Кажется, Вы мне угрожаете, сэр?»

Все сидящие за столом схватились за пистолеты и кинжалы. Кто-то бросил часовому запал для его мушкета. В дверях, подобно призраку, появился друг Брэдфорда, индеец Хоббамок (его роль блестяще исполнял Нанепашмет, настоящий индеец вампаноаг довольно устрашающего вида), держа в руках нож длиной с мою руку. Шум и волнение посетителей, толпящихся в доме и заглядывавших в окна, могли сравниться только с тревогой, которую испытывали мы с Леном. Боже милостивый, как нам выбраться из этой переделки? Испуганному воображению представились волосы, зубы и глазные яблоки, разбросанные по полу, а затем – неизвестная потомкам англо-голландская война 1627 года. Я всерьез опасался за свой плющенный воротник.

Выход из положения нашел Поль Криппс, изображавший Томаса

Пренса, члена совета. Он встал между нами и принялся увещевать нас, говоря о том, как возрадуется папа римский, узнав, что два брата-протестанта чуть было не закололи друг друга. Нам с Леном ничего не оставалось, как угрюмо пробормотать извинения и разойтись. Однако зрители продолжали гудеть, и только в конце дня я выяснил почему: все то время, пока Поль разглагольствовал о мире, он держал за спиной пистолет со взведенным курком.

Достоинства и недостатки представления

Если в тот раз мы и погрешили против исторической правды, то все же дали зрителям возможность понять, что Пилигримы были живыми, порой ошибающимися людьми, а не застывшими экспонатами за стеклом витрины мертвой (и мертвящей) истории. В таких представлениях от первого лица есть и достоинства, и недостатки: импровизация — рискованное дело, и как бы основательно ты ни подготовился, никогда не знаешь, какой вопрос может подняться во время жаркого диспута. Кроме того, всегда найдется несколько придирчивых посетителей, которые попытаются на чем-нибудь подловить тебя. В большинстве своем посетители-голландцы были славными ребятами и не возражали, когда я выпаливал по-голландски, что «по соображениям дипломатии» буду пользоваться английским языком. Но от одного назойливого голландца мне пришлось скрываться в свинарнике. Он преследовал меня даже там. Спас меня Джереми Бэнгс, проходивший мимо со своей неизменной записной книжкой. Несколькими изысканными фразами по-голландски он поверг моего преследователя в изумление от того, что столь странный американский музей мо-

жет позволить себе иметь в штате настоящих голландцев. В тот вечер в местном баре слышали, как он говорил: «Да, но все же в этой стране никто не говорит по-голландски...»

Помимо героев важную роль в представлении играет контекст. И исполнители всегда стараются напомнить зрителям о том, что происходило за пределами частотола. В 1627 году никакой войны между англичанами и голландцами не было, но их отношения были натянутыми, а ссора, случившаяся в доме Брэдфорда, помогла некоторым туристам вспомнить, что примерно тридцать лет спустя флот герцога Йоркского войдет в гавань Нового Амстердама. Потому-то я и имею возможность писать эти строки, не изучив голландского языка.

Вернемся к утверждениям, сделанным мною в начале статьи. Линкольн установил празднование Дня благодарения в 1864 году, стремясь хоть как-то объединить страну. Ноябрь был выбран потому, что к этому времени даже на самом крайнем юге урожай уже собран, а если в Новой Англии не успели управиться с урожаем к октябрю, то и благодарение воздавать не за что. За разъяснениями по другим вопросам советую обратиться в музей «Плимутская колония». Я до сих пор не могу понять, для чего позднейшие мифотворцы решили украсить шляпы Пилигримов лентами с пряжкой. Был ли это пояс целомудрия для мозгов? Поговорите с Каролиной Траверс или Ким Брейкер из научно-исследовательского отдела, поищите сведения о шляпах с пряжками в книгах великолепной библиотеки «Плимутской колонии», и когда вы почувствуете, что зашли в тупик, отправляйтесь в деревню... но упаси вас Боже подмигнуть жене Стэндиша! ■